Пандемониум, столица Орды Мрака (бывший Рим, Италия)

Суббота, 19 марта 2050 года

Утро, когда меня судили за измену, ознаменовалось благоприятным предзнаменованием в культуре Орды Мрака – неожиданным затмением солнца. Большинство моих собратьев-дьяволов и прислуживающих нам расовых существ вполне комфортно видели при слабом освещении, и у них существовала примитивная ассоциация солнца с Врагом. Мы воспринимали солнце как Его дар любимым детям, а его отсутствие – как знак того, что мы разоряем Его творение. Я никогда не верил в это: как Он может любить человечество, если Он и Его силы позволили нам вторгнуться на Землю без всякого сопротивления?

Как и большинство суеверий, это имело вполне прозаическое происхождение. Мы выиграли крупное сражение в Тунисе во время такого неожиданного затмения в 2038 году, и с тех пор считали его удачным. Это означало, что предприимчивые дьяволы, пытаясь «доказать» свою удачу, постоянно применяли световые заклинания для создания ложных затмений, а затем спешили первыми выложить свои интерпретации. Дошло до того, что они стали почти постоянным зрелищем в Капитолии. Однако никто не смел усомниться в этих подделках. Любой склонный к магии демон, способный затмить солнце, с тем же успехом мог убить вас на месте одним заклинанием. Лучше было просто подыграть.

Такова жизнь в Орде Мрака, и именно поэтому я ничуть не беспокоился о суде. Я был виновен, естественно. К счастью, это не имело никакого значения. Как и в случае с затмениями, дело было не в правде, ибо правда и справедливость – заблуждения Врага. Важна была внешность, а они не могли допустить, чтобы Великий Генерал был оскорблен без публичной пощечины. Вот почему я был закован в кандалы в центре того, что когда-то было спортивной ареной на окраине Пандемониума.

Я предстал перед трибуналом, состоящим из лучших представителей судебной власти Орды Мрака. Там был и судья Мартел Мудрый, и третья жена Темного Лорда, Юдит, которая, по моим заверениям, была столь же искусна в юриспруденции, сколь и красива. На мой взгляд, это сокрушительное оскорбление, но я никогда не видел прелести гоблинов.

И опять же, на трибунале не было моего отца, визиря Темного Лорда. Он зыркнул на меня со скамьи трибунала вместе с остальными. Он был не столько зол, сколько разочарован. Я видел это по его глазам. Я всегда подозревал своего отца в мягкотелости, недостойной чиновника из кабинета Темного Властелина. Это объясняло мое смешанное происхождение. Поэтому я был уверен, что скоро стану свободным человеком. Есть много дьяволов, которые ради политической выгоды бросили бы своего ребенка на съедение волкам и отправились бы воспитывать другого, но только не Великий Визирь.

Тем не менее, если это был показательный процесс, то он был убедительным. На моих руках были надеты кандалы с рунами, подавляющими магию, а рот закрывала маска, которая при малейшем чихе с магическими намерениями давала неприятный удар током. Все это казалось излишеством, но ведь я был человеком, который обрушил Биг-Бен огненным шаром.

Я дрожал в большом неотапливаемом помещении. Они взяли старую крытую спортивную арену и использовали ее для различных целей. На грязи еще виднелись пятна крови, оставшиеся после ночных «гуляний», в которых, вероятно, на потеху публике, сталкивали друг с другом несчастных потомков животных из зоопарка. Судебные разбирательства, как оказалось, были менее популярны, так как там было больше разговоров и меньше драк. Именно поэтому трибуны были почти пусты.

Я был почти оскорблен тем, как мало зрителей было на трибунах. Естественно, обиженные были на месте – Гирдан Справедливый и его дочь Фера. Наглая девчонка поцеловала меня, чем вызвала смертельный взгляд отца, как будто я ее заставил это сделать. Кроме них, это была кучка ничтожеств: кобольд, ковыряющий в носу, пара дремлющих гоблинов в лохмотьях и орк, делающий записи.

— Негодяи, — проворчал я. — Я приношу им завоевания и добычу, а они вот так отплачивают мне? Не могут даже выдать несколько крестьян, чтобы сделать более солидную аудиторию?

Мой защитник, Белиалия, разразилась резким смехом: — Вы слишком высокого мнения о себе, капитан Мальтус. Вы неизвестны за пределами военных кругов.

Я изучал Белиарию, поскольку она была лучшей декорацией из предложенных. У нее была блестящая красная кожа, характерная для дьявола, которая удивительно контрастировала с ее потрясающими белыми волосами. Она завязала их в тугой, деловой пучок, из которого открывался вид на рога, похожие на рога газели, такого же цвета, как и ее кожа. Ее облегающая блузка и юбка-карандаш будоражили мое воображение. Завершали ансамбль квадратные очки, которые были забавным жеманством, поскольку я никогда не встречал дьявола с реальными проблемами со зрением. Мы подражали стилю покоренных нами людей, а Белиалия, очевидно, выбирала свой образ, чтобы подчеркнуть серьезность.

— Что ж, полагаю, мне следует посмотреть на это с другой стороны. Без этой неприятности мы бы не встретились. Мы сможем рассказать нашим детям об этой счастливой встрече.

Белиалия прервала перетасовку бумаг, чтобы бросить на меня презрительный взгляд: — Извините, капитан Мальтус, но я предпочитаю мужчин, а не мальчиков. И, возможно, немного больше цвета кожи.

Я проигнорировал этот взгляд на свою бледную, белую кожу, доставшуюся мне в наследство от матери. Нас, полукровок, было не так уж много, и мне всегда приходилось сталкиваться с определенным презрением. Ну и ладно. Это делало возможное завоевание более веселым.

— Вы ранили меня, мадам. Вы считаете меня мальчишкой? О, теперь я просто обязан показать вам ошибочность ваших путей. Как только мы здесь закончим, я знаю один прекрасный отель с почасовой оплатой. Они держат его в удивительной чистоте, учитывая то, что там происходит. Я покажу тебе фантастическое время.

Она слегка покраснела. Когда вырастаешь в обществе людей с красной кожей цвета пожарной

машины, быстро учишься различать тонкие оттенки: — Я думала, что у вас на уме что-то другое, кроме романтики, например, как пережить этот день.

Я уловил в ее голосе некоторую нерешительность. Иногда можно встретить дьяволицу с небольшой скромностью, что делало ее еще более интригующей. Я наклонился вперед, проклиная себя за то, что моя попытка плутовской ухмылки была заблокирована маской. Врезавшиеся в запястье кандалы заставили меня вернуться к реальности: — Как часто кому-то удается избежать наказания на этих показательных процессах?

Она пожала плечами: — Нечасто. Особенно когда они собирают полный трибунал. Тебя ставят в пример. Впрочем, ты можешь стать примером, чистя конюшни мамонта в течение года или качаясь на виселице. Я могу заставить тебя чистить грязь вместо того, чтобы быть грязью, если ты сможешь не отвлекаться и держать в голове вежливый язык. Просто подумай о моей арендной плате. Мне заплатят только в том случае, если я выиграю.

Ей не стоило беспокоиться. Бедняжка и не подозревала, что все было решено заранее. Наверное, актер в театре кабуки более убедителен, если не знает, что это спектакль. Ну что ж. Я решил, что можно и подыграть: — Чистить конюшни мамонта? Если это все, что вы можете мне предложить, то я предпочту быструю смерть, спасибо вам большое. Учитывая обстоятельства, не могли бы вы быть настолько жестоки, чтобы отказать мне в последнем удовольствии перед отправкой к Отцу нашему Нижнему?

— Да, да, могу, — сказала она, глядя в упор перед собой. — Я происхожу из длинного рода мучителей.

Звук молотка Мартела прервал наш разговор. Все взгляды обратились на внушительного вида судью-орка, его плоское, обезьяноподобное лицо и зеленая кожа заметно контрастировали с черной мантией, напудренным париком и комично заниженными очками в роговой оправе. В отличие от очков Белиалии, эти, скорее всего, были рецептурными. У орков довольно плохое зрение.

Меня удивило, что он, похоже, руководил процессом. Я думал, что отец или Юдит будут выше его по рангу. В иерархии подданных Орды Мраки дьяволы стояли на вершине, и то, как младшие расы разбирались между собой, было для меня столь же непонятно, сколь и неважно. Все, что мне нужно было знать, – это то, что я их начальник, даже если мне приходилось кланяться чистокровным дьяволам. Я подозревал, что это происходит потому, что у отца и Юдит были другие обязанности, а Мартел был специалистом. Вот они и позволяли ему выполнять скучные формальности.

Басовитый голос Мартела прогремел по залу: — Порядок в этом суде! Слушается дело капитана Мальтуса против великого генерала Гирдана. Великий генерал Гирдан, зачитайте, пожалуйста, свои обвинения.

Что ни говори о Гирдане Справедливом, но этот дьявол знал, как войти в роль. Он был со своей дочерью высоко на трибунах, но, сделав жест и выплеснув магическую энергию, он образовал

ледяной спуск на пол арены. Лед был его магической стихией, и он создавал его как настоящий мастер. С легкостью, рожденной многолетней практикой, он скользнул вниз и грациозно остановился. Всегда было удивительно наблюдать за ловкостью этого огромного гиганта, особенно в его строгой сине-белой форме. Его кожа была более бледно-красной, чем у Белиалии, а светлые локоны привлекали внимание женщин так, что в это невозможно было поверить. Достаточно сказать, что именно из-за них его и прозвали Ярмаркой. У него не было репутации милосердного или справедливого человека, особенно среди тех, кого он завоевывал.

Он щелкнул пальцами, заставив водяной пар, который он заморозил за несколько мгновений до этого, исчезнуть в облаке пара. Я почувствовал волну жара с того места, где сидел, а Белиалия вздрогнула.

— Благодарю вас, ваши уважаемые. Как всегда, я рад видеть вас всех. Жаль, что мы не можем встретиться при более благоприятных обстоятельствах, но этот отвратительный маленький червяк, — сказал он, указывая на меня своим пальцем, похожим на сосиску, — нарушил священное доверие, которое лидер должен оказывать своим подчиненным, и за это он должен быть наказан!

— Священное, — сказал я преувеличенным сценическим шепотом. — Наверное, надо было подобрать другое слово, — а это я получил локтем от Белиалии.

Не обращая на меня внимания, Гирдан продолжил: — Я имел неудовольствие знать этого мальчика с тех пор, как он был впервые доверен мне в нежном возрасте тринадцати лет. Я подвел вас, визирь Мальтус, — сказал он, глядя моему отцу прямо в глаза. Мы, дьяволы, брали имя родителя того же пола. Например, дочь Гирдана, Фера, была названа в честь своей матери.

(Эта система, я уверен, была пересмотрена через несколько поколений, но я не уточнял в офисе компании, как это происходит сейчас).

— Я всегда старался воспитывать его так, как выбрали бы вы, — продолжал Гирдан. — Я старался привить ему достоинство и изящество офицера нашего любимого Темного Лорда, — он стратегически опустил все те пьянки и гулянки, к которым он меня приобщил, но Гирдан заботился о приличиях только тогда, когда за этим наблюдало его начальство. — Должен признать, что в Англии он служил хорошо. Однако, как только мы с триумфом вернулись домой, как он отплатил мне? — он снова устремил на меня обвиняющий взгляд. — Предательством! Он ворвался в мой дом поздно ночью, чтобы соблазнить мою дочь, — н был старым лицемером. Как и большинство других людей его круга, он был не прочь завести роман с чужими дочерьми, но чертовски контролировал свою собственную. — Он украл хорошее вино, которое я хранил со времен испанской кампании против мятежного Общества Четырех Пальцев. Вино, к которому я обещал себе не прикасаться до тех пор, пока мы не разграбим Англию. Хуже того, этот самонадеянный ублюдок даже не соизволил приберечь его для меня!

— Это был ужасный урожай. Ты должен благодарить меня! — я получил еще один удар локтем по своим все более и более болевшим ребрам.

Гирдан не подал вида, что услышал меня: — Когда я застал его с моей дорогой, милой, одураченной Фера, я, конечно, схватил его. Я старался оградить ее от той гнусной жизни, которую мне приходилось вести, а тут Мальтус принес ее в мой дом, как вор в ночи!

— О, это было ужасно, папа, — позвала Фера сверху.

Я уже собирался высказаться по поводу очевидного опыта Феры в плотских искусствах, когда Белиалия снова толкнула меня локтем. Мне удалось удержать язык за зубами, но с трудом.

— Более того, когда его арестовали, я обнаружил у него вот это! — Гирдан протянул уродливую деревянную безделушку, украшенную иероглифом «гух» – высшим демоническим эквивалентом английского «g». — Эту вещь мне подарил сам Темный Лорд в качестве личного подарка! С тех пор это моя драгоценность, и я даже взял этот символ в качестве фамильного герба. А Мальтус украл его! Его поступок просто немыслим!

Кстати, о бледности: мой отец был белым, как призрак, а его красная дьявольская кожа стала светло-розовой. У меня не было возможности объясниться с ним, и он впервые услышал все подробности того, что было одновременно одним из моих лучших и худших воспоминаний. Как я уже говорил, он был мягким человеком, учитывая его ранг в Кабинете министров. Даже с такого расстояния я мог видеть, как его разочарование удваивается и удваивается.

Честно говоря, я и сам был немного разочарован тем, что рисковал столь многим ради столь малой выгоды. Отче наш, ниже висит мой каприз! Когда Белиалия допрашивала меня перед судом, я мог объяснить свои действия только тем, что в тот момент они имели смысл. Деревянная резьба не владела мной во время суда, но когда я увидел ее в покоях Гирдана, кража показалась мне самым важным поступком. То же самое с вином, и то же самое с Ферой. Особенно Фера. Дорогая, милая, Фера...

Заметив на моем лице развратное выражение, Белиалия посильнее ударила меня локтем, чтобы вывести из равновесия.

Я захихикал: — Будешь продолжать в том же духе, и мне это начнет нравиться.

Она шипела на меня: — Ты не против? Это серьезно!

Я попытался сохранить достоинство, насколько это было возможно в моем скованном состоянии: — Я вполне серьезно отношусь к нашему совместному будущему, Белиалия, даже если оно будет коротким.

Она снова стала игнорировать меня, но я видел, как она слегка покраснела от моего внимания. Я почувствовал странное чувство удовлетворения.

Гирдан поднял руку в изящной позе оратора, когда наступил кульминационный момент: —

Члены этого трибунала, я требую смертной казни для этого грубияна, как напоминание о том, что даже в Пандемониуме есть вещи, которые просто не делаются!

Мартел кивнул ему: — Благодарю вас, Великий Генерал Гирдан. Как отреагирует защита?

Белиалия поднялась на ноги и разгладила юбку. Она прочистила горло и начала: — Защита считает, что…

Юдит прервала ее, на ее сером лице появилось недоверчивое выражение: — Мне кажется, я вас знаю, государственный защитник. Вы ведь были на суде по делу «Город Деспайрополис против кобольда Мухоловки»?

Белиалия вздрогнула; — Да, ваша честь.

— Это – лжец, который тратит время суда, — сказала Джудит.

— Ну, да, — сказал Мартел. — Мы знаем, что он виновен. Ее работа – подтасовывать факты и пытаться убедить нас в ложности. Нужно поддерживать видимость.

— У меня назначена встреча сегодня днем. У нас нет времени на ложь. Пристав! — Джудит щелкнула пальцами. — Вызовите Оркестр Правды.

Я услышал, как Белиалия выругалась, когда к ней подошел коренастый орк и надел бронзовый браслет на ее правое запястье. На ней были выгравированы руны, которые начали светиться, как только был установлен механизм замка.

Отец выглядел недовольным, но голос его оставался ровным: — Давайте больше не будем мешать. Защитник, что клиент хочет сказать в свое оправдание?

Белиалия отпила воды, и я увидел, что она начинает паниковать: — Ваша честь, обвинения против капитана Мальтуса полностью… — она прервалась, когда по ее руке пробежало электричество, вызвав удивленный вскрик.

— Вы в порядке, дорогая?

Она уставилась на меня, ее глаза слезились от боли: — Лучше, чем ты будешь, такими темпами. А теперь позвольте мне делать свою работу как можно лучше, — она снова выпрямилась. Гораздо быстрее, словно пытаясь обогнать заклинание, она сказала: — Иными словами, все, что сказал Великий Генерал Гирдан, вопиюще… — на этот раз она подавила крик, так как очередная дуга электричества с громким хлопком рассекла воздух. Она упала на колени, заметно задымившись. Судебный пристав подошел к ней, но она отказалась от протянутой руки.

С достоинством, которым я не мог не восхититься, она поднялась на ноги: — Защита отдыхает, — она вернулась на место рядом со мной.

— Защита отдыхает? За что я вам плачу?

Ее глаза были налиты кровью и все еще наполнены слезами: — Платить мне? Я государственный защитник, ты дешевый идиот!

— Я уверен, что в какой-то момент я заплатил налоги, — сказал я, пожав плечами. — Почему вы только что отказались?

Она вздохнула: — Я знаю, что ты это сделал, и пока эта штука при мне, я не могу утверждать обратное. Извини. С тобой покончено. Бросься на милость суда. Постарайся быть вежливым, если сможешь.

Я не мог сомневаться в совете, поскольку она все еще носила ремешок. Мне хотелось сказать что-нибудь резкое, но я решил не сжигать мосты с этой милой защитницей.

Мартел снова стукнул молоточком: — Порядок! — у меня зазвенело в ушах, когда его голос эхом разнесся по залу. Я был уверен, что его легкие – единственная причина, по которой его назначили в суд. — Если защите нечего сказать в противовес утверждениям обвинения, я полагаю, что подсудимый должен быть абсолютно виновен. Прежде чем мы вынесем вполне заслуженный смертный приговор за предательство доверия вашего командира, капитана Мальтуса, вам есть что сказать?

— Пусть это прозвучит нормально, — шипел мой адвокат.

Белиалия была права. Даже если исход дела не вызывал сомнений, я не должен был смущать почтенных судей или еще больше осложнять жизнь отцу. Я должен был сказать что-то такое, что показало бы всю глубину моего раскаяния. Я должен был убедить их в том, что я все-таки хороший человек и не нуждаюсь в том, чтобы моя голова была насажена на пику в качестве примера для других.

Взвешивая свои слова, я ошибся и посмотрел в глаза Гирдану. Самодовольная ухмылка, расплывшаяся по его лицу, разрушила задуманную мной речь: — Пожалуй, я поберегу дыхание. Чем быстрее все это закончится, тем лучше. У меня есть планы, — я коварно подмигнул ошарашенной Белиале.

Мартел не прогадал и снова ударил молотком: — Тогда смерть. Медленная. Пристав?

Трупный орк медленно подошел к нам. Я стоял твердо, зная, что в любой момент отец прекратит этот фарс и объявит, что я свободен. Сейчас он гримасничал, но я знал, что он сделает это. Проклятый старый дурак был слишком брезглив, чтобы позволить чему-то

случиться со мной.

В любой момент.

В любой момент.

Первые сомнения в милосердии отца закрались в мою голову, когда меня заканчивали пристегивать к дыбе в соседнем подземелье. Увы, к тому времени было уже поздно.

http://tl.rulate.ru/book/98633/3345202